

THE LETTERS OF PSELLOS. CULTURAL NETWORKS AND HISTORICAL REALITIES

ed. by M. Jeffreys, M. D. Lauxtermann
Oxford: Oxford University Press, 2017. X, 469 p.
ISBN 9780198787228

УДК 82-95 (94(41/99))
DOI: 10.31802/BCA.2021.11.3.011

Авторы тома «Письма Михаила Пселла. Культурные сети и исторические реалии» Майкл Джеффрис и Марк Локстерманн оказали византинове-дению большую услугу. Не дожидаясь выхода полного издания корпу-са писем Михаила Пселла, они подготовили свод резюме этих писем, снабдив их обширным научным аппаратом.

Те, кто занимается или хотя бы интересуется историей Визан-тии XI в., особенно её интеллектуальной историей, знает, что при всей важности этого источника, письма Михаила Пселла как нечто целое, как единый корпус ранее были исследователям недоступны. До послед-ного времени (ситуация изменилась с выходом издания С. Папаиоан-ну)¹ письма Михаила Пселла существовали в десяти разных изданиях: от больших К. Н. Сафы² и Е. Курца, С. Дрексля³ до публикаций отдельных писем, например подготовленных У. Крискуоло⁴. Возможность взглянуть на письма как на единый объект исследования уже сама по себе влечёт за собой смену исследовательской парадигмы. Но издатель М. Джеф-фрис подчёркивает, что подготовленное им издание не утратит акту-альности и после публикации полного корпуса писем Михаила Пселла

- 1 *Michael Psellus. Epistulae. Vol. 1 – 2 / hrsg. S. Papaioannou. Berlin; Boston, 2019. (Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana).*
- 2 Μεσαιωνική βιβλιοθήκη ή συλλογή ανέκδοτων μνημείων της Ἑλληνικῆς ἱστορίας. Μιχαὴλ Ψελλοῦ ἱστορικοὶ λόγοι, ἐπιστολαὶ καὶ ἄλλα ἀνέκδοτα. Τ. 5 / ἐπιστ. Κ. Ν. Σάθα. Ἐν Βενε-τίᾳ, 1876.
- 3 *Michaelis Pselli Scripta minora magnam partem adhuc inedita. Vol. 2: Epistulae / ed. E. Kurtz, S. Drexler. Milano, 1941. (Orbis Romanus; vol. 12).*
- 4 *Michele Psello. Epistola a Giovanni Xifilino / ed. U. Criscuolo. Napoli, 1990; Michele Psello. Epistola a Michele Cerulario / ed. U. Criscuolo. Napoli, 1990.*

(р. 143), потому что оно даёт инструмент более широкому кругу исследователей (не говоря о популяризации наследия Михаила Пселла среди обычных читателей): чтение и интерпретация переписки Михаила Пселла — удел узкого круга специалистов, из которых далеко не каждый (как иронично отмечает М. Джеффрис (р. 143)) может сказать, что правильно понимает текст многих писем. Простой пример (из сферы, которая близка мне лично): конкретному исследователю требуется проследить, как в текстах Михаила Пселла разрабатывается тема идей (или неоплатонических ипостасей, или интеллектуального созерцания и т. д.), и он с неизбежностью должен обратиться, в том числе, к переписке Михаила Пселла. Конечно, этот исследователь хорошо владеет греческим языком, однако, вполне вероятно, что он хуже владеет знаниями в области византийского этикета, эпистолографии, вообще светской культуры XI в. — это просто не его специальность. В силу этого он может увидеть, что Михаил Пселл работает с конкретным богословско-философским термином, но вполне может и не понять контекст использования этого термина: возможно, речь идёт о риторическом упражнении (что совсем не редкость для Пселла), возможно, о дружеской иронии или даже тонкой издёвке (что тоже встречается в переписке византийского мыслителя). В таком случае исследователь может неверно интерпретировать конкретный пассаж, включив его в качестве доказательства или иллюстрации в свой «серьёзный дискурс», основанный на чисто научных высказываниях Пселла, лишённых постороннего содержания. Письма, поданные в адаптированном к восприятию виде, помогают исследователю, упрощают его задачу. Именно поэтому издатели данного тома предлагают читателю не полный перевод писем, а подборку резюме, не только подробно пересказывают содержание писем, но и отчасти их интерпретируют посредством помещения их в конкретный исторический контекст (разумеется, там, где это возможно: далеко не все письма имеют точную датировку и могут быть привязаны к тому или иному событийному комплексу).

Письма Михаила Пселла, наряду с его историческими сочинениями, — бесценный источник по истории византийского общества, культуры, философии, быта и нравов, политической истории. Это настолько яркий и значимый феномен, что часто он играет с исследователями злую шутку: они вынуждены воспринимать Византию XI в. через призму текстов Михаила Пселла, конкретных персонажей этой истории (императоров, царедворцев, крупных чиновников и многих других людей) изучать в зеркале пселловского нарратива — зеркале, далеко не всегда

дающем правильное изображение действительности, а те ли иные явления оценивать, основываясь только на том материале, который представляет нам Михаил Пселл. Например, мы вынуждены верить на слово византийскому гуманисту относительно того, что среди его непосредственных предшественников и современников нет ни одного сколь-либо стоящего мыслителя и знатока философии⁵. При этом мы можем быть уверены, что византийский интеллектуальный пейзаж в XI в. отнюдь не походил на выжженную пустыню, посреди которой расположился оазис под названием Михаил Пселл (достаточно вспомнить раннего современника Пселла Никиту Стифата, точно не менее образованного и оригинального мыслителя). Ещё один пример: его письма создают картину особой интеллектуальной общности, образованной Михаилом Пселлом и его друзьями, участники которой испытывают друг к другу *φιλία*, любовь-дружбу-влечение (перевести точно невозможно)⁶. Сложно сказать, о чём идёт речь: о некой социальной реальности, действительно существовавшей в Византии XI в., или о мировоззренческом конструкте Михаила Пселла, надо сказать достаточно оригинальном и претендующем на богословскую уникальность. Наверняка, специалисты по экономической, политической, литературной, социальной истории могут дать множество примеров того, как сочинения Михаила Пселла довлеют над исследователем, «мешая» ему составить объективную картину. Впрочем, чтобы «преодолеть» влияние эпистолографического корпуса Михаила Пселла, его нужно знать. Этому и посвящено оксфордское издание.

Оно состоит из двух неравных частей. Первая представляет собой материалы (разумеется, переработанные в статьи) международного семинара, посвящённого эпистолографическому наследию Михаила Пселла, который прошёл 6–7 ноября 2010 г. в Оксфорде. Вторая часть — резюме всех сохранившихся писем византийского писателя, снабжённых научным аппаратом. Стоит сказать о том, что некоторые письма приведены в данном томе в полном переводе на английский язык — часть их приведена в приложении к статьям в первой части тома.

5 *Michael Psellus. Chronographia VI*, 37 // *Michaelis Pselli Chronographia*. Bd. 1. Einleitung und Text / hrsg. von D. R. Reinsch. Berlin, 2014. (Millennium-Studien; Bd. 51). S. 122.

6 См. об этом: *Walter D. Michael Psellos — Christliche Philosophie in Byzanz: Mittelalterliche Philosophie im Verhältnis zu Antike und Spätantike*. Berlin, 2017. S. 110 и далее; *Limousin E. Les lettrés en société: «φίλος βίος» ou «πολιτικός βίος»?* // *Byzantion*. 1999. Vol. 69. P. 344–365; также в рецензируемом томе: *The Letters of Psellos: Cultural Networks and Historical Realities* / ed. by M. Jeffreys, M. D. Lauxtermann. Oxford, 2017. P. 16.

Открывает первую часть обзорная статья Марка Локстерманна⁷, которая является обзорной не только в том смысле, что обрисовывает проблематику остальных статей (их всего пять), но и даёт представление о том, с какими вообще проблемами сталкиваются интерпретаторы писем Михаила Пселла. Например, он указывает на три причины, по которым сложно свести письма Пселла к некому связному повествованию (single message): (1) сочетание исторической дистанции и эпистолографической близости; у читателя (интерпретатора) нет той информации, которая была у собеседников и ему сложно «поймать» отсылки собеседников к той реальности, которая нам, может быть, известна из других источников, а может быть, и неизвестна вовсе; (2) использование при составлении письма определённого набора «тайных кодов», которые являлись одновременно и элементами литературной игры и условиями деловой переписки, сообщали адресату вполне конкретную информацию; разгадка этого византийского шифра представляет известные трудности; (3) ирония, к которой Михаил Пселл часто прибегает в своих письмах; для его собеседника она является сигналом того, что автор письма говорит не всю правду, а для современного читателя реальным препятствием к пониманию написанного.

Статья Флориса Бернара⁸ посвящена общности, которая формировалась вокруг Пселла как учителя и поддерживалась им, в том числе, с помощью интенсивной переписки: с другими учителями, с действующими, бывшими и потенциальными учениками, с их родителями и покровителями. Ф. Бернар приходит к выводу, что «образовательные сети» (возможно, несколько грубый перевод английского educational networks), которые разбрасывал Михаил Пселл, имели две функции: социально-духовную и социально-экономическую. Несомненно, Михаил Пселл мыслил сообщество учителей и учеников как некий духовный союз, объединённый любовью и общей тягой к истине, как некое подобие семьи (термины родства активно используются Михаилом Пселлом в переписке с учениками и коллегами), члены которой поддерживают и заботятся друг о друге. Однако также несомненно, что византийский писатель ценил свои связи с учениками как инструмент для решения карьерных и экономических вопросов. Связи с бывшими учениками выступали здесь в качестве «полезных знакомств». В частности Михаил Пселл использовал их для продвижения (promotion) себя в качестве учителя, для поиска новых клиентов, то есть новых учеников. Если

7 *Lauxtermann M. D.* Introduction. P. 3–12.

8 *Bernard F.* Educational Networks in the Letters of Michael Psellos. P. 13–41.

второй аспект пселловских «educational networks» важен для социально-экономической истории Византии, то первый ещё и для понимания богословско-философских взглядов Михаила Пселла.

Майкл Джеффрис в своей статье «Михаил Пселл и монастырь»⁹ раскрывает тему сложных, противоречивых отношений мыслителя с важнейшим институтом византийского общества. Исследователь, основываясь прежде всего на переписке с Иоанном Ксифилином, пишет о предпосылках и мотивах удаления Михаила Пселла в монастырь на горе Олимп, а также о предполагаемых (сам Пселл нигде и никогда не пишет об этом прямо) причинах возвращения в столицу. Ещё один вопрос, который поднимает М. Джеффрис, — это деятельность Михаила Пселла в качестве харистикария (арендатора, если упрощать) нескольких монастырей. Эта деятельность также отражена в переписке Пселла. Вторая часть статьи представляет собой каталог писем Михаила Пселла, касающихся монастырей, структурированный по хронологическому принципу.

Оставшиеся статьи сосредоточены на конкретных персоналиях — адресатах Михаила Пселла. М. Джеффрис скрупулёзно, на основании прежде всего писем Михаила Пселла, а также других источников (например, печатей), выстраивает биографию двух важных персонажей византийской истории XI в. — Константина и Никифора, племянников патр. Михаила Керулария¹⁰. М. Лукстерман даёт подробнейший обзор переписки Михаила Пселла с Иоанном Мавроподом. Редкий случай, когда мы можем услышать не только голос Михаила Пселла, но и его собеседника, конгениального ему мастера слова и любопытного мыслителя: Иоанн Мавропод предстаёт в образе интеллектуала-анакорета, который по воле Божией (а также по воле императора и патриарха) был вынужден занять епископскую кафедру¹¹.

Наконец, Дитер Родерих Рейнш посвятил небольшую статью анализу писем Михаила Пселла к Льву Параспондилу¹², синкеллу, который краткое время (1055–1056 гг.) был на самой вершине власти в империи. Сопоставляя пассажи из «Хронографии» и письма Пселла, адресованные синкеллу, Д. Р. Рейнш показывает, что Михаил Пселл последователен в своей критике высокопоставленного чиновника: если в «Хронографии»

9 *Jeffreys M.* Michael Psellos and the Monastery. P. 42–58.

10 *Jeffreys M.* Constantine, Nephew of the Patriarch Keroularios, and His Good Friend Michael Psellos. P. 59–88.

11 *Lauxtermann M. D.* The Intertwined Lives of Michael Psellos and John Mauroπους. P. 89–127.

12 *Reinsch D. R.* Venomous Praise: Some Remarks on Michael Psellos' Letters to Leon Paraspondylos. P. 128–142.

он пишет о нём без обиняков, то в переписке прибегает к тонкой иронии. Но образ Льва Параспондила важен ещё и для выстраивания политического идеала Михаила Пселла. В «Хронографии», как известно, именно после описания «прямолинейного» нрава синкелла следует классификация видов души: душа, существующая как бы отдельно от тела, душа, подчиняющаяся телу, и душа, находящаяся в гармоничных отношениях с телом¹³. По мнению Пселла, Параспондил соответствовал скорее первому типу, обладал душой философа, а не политика. В то время как политическим (и вообще жизненным) идеалом Михаила Пселла был третий тип. Так вот небольшое исследование Д. Р. Рейнша работает на ту гипотезу, что политический идеал был сформулирован в «Хронографии» не только для того, чтобы выставить в дурном свете Льва Параспондила. Похоже, что Михаил Пселл был последователен в данном вопросе.

Несколько слов о том, как организованы сами резюме (р. 143–416). Каждое из них снабжено двумя справками. Первая посвящена датировке письма, вторая — библиографии вопроса (рукописи, издания, переводы, историография). Некоторые письма, адресованные одним и тем же лицам или связанные с одними и теми же персоналиями (например, два письма епископу Парнасскому приведены вместе с письмом кесарю Иоанну Дуке, в котором Пселл просит за своего друга-епископа (р. 207)), объединены редакторами в особые подразделы. Эти подразделы являются как бы полуфабрикатами для приготовления связного повествования — неплохой инструмент для исследователя. Ещё одним инструментом являются экскурсы (р. 417–446) в приложении к резюме, посвящённые датировке различных комплексов писем: писем, отправленных вместе с дарами членам императорской фамилии или патриарху, писем Анастасию Лизику и членам его семьи, писем молодым судьям фемы Армениак, монаху Илие, бывшим ученикам и т. д. Некоторые комплексы объединяют не имена адресатов, а тематика: Пселл как лоббист, Пселл как литератор, связи Пселла в администрации и т. д.

Подводя итог, можно констатировать, что том, подготовленный М. Джеффрисом и М. Лукстерманном, является не только собранием научных статей, не только справочником по эпистолографии Михаила Пселла, но и практическим пособием, которое предлагает множество тем, множество заготовок, множество отправных точек для исследования.

13 Michael Psellus. Chronographia VI, 211 (a8) // Op. cit. S. 199–200; см.: Lauritzen F. The Mixed Life of Plato's Philebus in Psellos' Chronographie (6a. 8) // Сборник радова Византолошког института. 2013. Т. 50. Р. 399–409.

Источники

- Michael Psellus*. Epistulae. Vol. 1–2 / hrsg. S. Papaioannou. Berlin; Boston: W. de Gruyter, 2019. (Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana).
- Michaelis Pselli* Chronographia. Bd. 1. Einleitung und Text / hrsg. von D. R. Reinsch. Berlin: W. de Gruyter, 2014. (Millennium-Studien; Bd. 51).
- Michaelis Pselli* Scripta minora magnam partem adhuc inedita. Vol. 2: Epistulae / ed. E. Kurtz, S. Drexl. Milano: Vita e pensiero, 1941. (Orbis Romanus; vol. 12).
- Michele Psello*. Epistola a Giovanni Xifilino / ed. U. Criscuolo. Napoli: Bibliopolis, 1990.
- Michele Psello*. Epistola a Michele Cerulario / ed. U. Criscuolo. Napoli: Bibliopolis, 1990.
- The Letters of Psellos: Cultural Networks and Historical Realities / ed. by M. Jeffreys, M. D. Lauxtermann. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- Μεσαιωνική βιβλιοθήκη ἢ συλλογὴ ἀνεκδότων μνημείων τῆς Ἑλληνικῆς ἱστορίας. Μιχαὴλ Ψελλοῦ ἱστορικοὶ λόγοι, ἐπιστολαὶ καὶ ἄλλα ἀνέκδοτα. Τ. 5 / ἐπιστ. Κ. Ν. Σάθα. Ἐν Βε-
νετίᾳ: Τύποις τοῦ Φοίνικος, 1876.

Литература

- Lauritzen F.* The Mixed Life of Plato's Philebus in Psellos' Chronographie (6a. 8) // Сборник радова Византолошког института. 2013. Т. 50. Р. 399–409.
- Limousin E.* Les lettrés en société: «φίλος βίος» ou «πολιτικός βίος»? // Byzantion. 1999. Vol. 69. Р. 344–365.
- Walter D.* Michael Psellos — Christliche Philosophie in Byzanz: Mittelalterliche Philosophie im Verhältnis zu Antike und Spätantike. Berlin: W. de Gruyter, 2017.

Тимур Аркадьевич Щукин